

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-68

Разработка серии
А. Саукова, А. Дубовика
Иллюстрация на переплете
А. Дубовика

Злотников, Роман Валерьевич.
3-68 Арвендейл. Нечистая кровь. Корни Тьмы /
Роман Злотников, Юлия Остапенко. —
Москва : Эксмо, 2019. — 352 с.

ISBN 978-5-04-099937-8

Продолжение романа «Арвендейл. Нечистая кровь»!
Прошло пять лет после воцарения Яннема в Митри-
ле. Брайс служит при нем Старшим Лордом-советни-
ком. Между братьями в целом царит согласие. Вместе
они проводят в королевстве реформы, направленные
на смягчение законов о нечистой крови и расширение
связей Митрила с внешним миром. Но не всем в коро-
левстве это нравится. При дворе формируется дворян-
ская клика, которой претит новая политика и кото-
рую в качестве правителя не устраивают ни Яннем, ни
Брайс. Чтобы пресечь зреющий заговор, братья готовы
на самые неординарные шаги...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-099937-8

© Злотников Р., Остапенко Ю., 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Глава 1

— Скажите мне правду, — сказала Ингёр, дочь ярла Харальда Тьёмурда с острова Даргор. — Ваш брат хороший человек?

Крутобокое судно широко раскачивалось на волнах, брызги пены перелетали через планшир, оставляя на палубе мелкие влажные пятна. Это нельзя было назвать ни сколько-нибудь сильным волнением, ни тем более приближением шторма, но Брайс все равно не получал от путешествия ни малейшего удовольствия. И дело было не только в качке — первые же проявления у себя морской болезни он успешно подавил с помощью магии — или непрерывно дующем северо-западном ветре, который только мешал их продвижению и заставлял гребцов вдвое сильнее налегать на весла. Брайс слышал глухие, раскатистые стоны с нижней палубы, монотонные, как гул моря, не смолкавшие ни днем, ни ночью. И ему просто хотелось как можно скорее снова оказаться на твердой земле, где не будет этой качки, этого ветра и этих стонов.

И этой женщины рядом, с ее слишком прямыми вопросами, отвечать на которые ему совершенно не хотелось.

— Нет, — ответил Брайс после довольно долгого и не особенно приятного молчания. — Я не думаю, что мой брат — хороший человек.

Ингёр из династии Тьёдмурд отрывисто и сухо кивнула, словно именно это и ожидала услышать. Она была очень рослой (Яннему это определенно не понравится), сухощавой, со слишком крупными и недостаточно нежными для женщины руками. Однако по канонам и ее родного острова Даргор, и королевства Митрил, куда она направлялась, её можно было назвать красивой: высокие скулы, резкие точеные черты, холодные светлые глаза, густые рыжие волосы, заплетенные в две тугие косы. Брайс смотрел на нее и в который раз пытался угадать, понравится ли она Яннему. И чем дольше смотрел, тем яснее понимал, что, скорее всего, не понравится — вкусы на женщин у них совпадали даже в большей степени, чем Брайсу хотелось. «Что ж, брат, — подумал он, — боги определенно обладают чувством юмора. Из нас двоих не только мне придется делать детей женщине, которую я бы предпочел вообще не видеть в своей постели».

— Благодарю вас за откровенность, — сказала Ингёр, обращая отсутствующий взгляд на пустынную гладь серой воды. Это был, по сути, их первый полноценный разговор наедине, и Брайса поначалу слегка удивило, как эта женщина сразу пошла на-

пролом. Дома, в Даргоре, она вела себя тише воды ниже травы. Но там она находилась под властью отца и братьев — положение женщин в племени даргорян нельзя было назвать завидным. Однако она все же дочь ярла, дочь северных островов, и, пожалуй, считает себя более достойной уважения, чем мужчина из любого народа, живущего на суше.

Да уж, милая. Несладко тебе придется в Митриле.

— Вы не вполне меня поняли, — сказал Брайс. — Я не могу утверждать, что Яннем хороший человек. Но назвать его плохим тоже не могу. Вы дочь правителя и должны понимать, что обычные понятия морали не распространяются на королей. И Яннем не исключение

— Вы его брат. Вы, возможно, единственный, кто знает его как человека, а не как правителя. Кому еще я могла задать этот вопрос?

— Я знаю его с обеих сторон. И давно перестал пытаться его судить. Или понять.

— Я слышала, что вы с ним довольно близки. Вы единственный, кому он доверяет. Специально для вас он ввел в Митриле новый титул — Старшего Лорда-советника, и...

Брайс коротко рассмеялся. Ингёр замолчала и бросила на него короткий злобный взгляд — решила, что он смеется над ней. Да, этой девице палец в рот не клади. Но это ненадолго, к несчастью для нее.

— Да, я Старший Лорд-советник Митриля. А также главнокомандующий митрильской армией, хотя мы уже пять лет не ведем войн. Но я бы не сказал,

что наш владыка король доверяет мне, леди Ингёр. Куда правильнее сказать, что его недоверие ко мне значительно меньше, чем ко всем остальным людям в мире.

— Вы ведь хотели поднять против него мятеж, — сказала Ингёр почти обвиняюще.

Брайс пожал плечами.

— Да, хотел. Хотя все не так просто, это давняя и довольно запутанная история.

— Расскажите мне. У нас много времени, — потребовала она, и Брайс улыбнулся:

— Нет. Вы очень смелы, моя леди, и, я вижу, довольно пытливы. Но хоть вы и станете вскоре моей королевой, всегда будет то, о чем вы никогда не узнаете. И таких вещей будет много. Вам стоит сразу привыкнуть к этой мыслию. К тому же разве на Даргоре жена ярла требует от своего мужа и его братьев отчета в их действиях?

Он был мягок с ней, даже слишком. Возможно, стоило сразу же одернуть ее, указать, где ее место, — все равно это сделает Яннем, и пусть она лучше будет к такому готова. Но почему-то Брайс не мог быть с Ингёр грубым, несмотря на ее вызывающий взгляд, слишком высокий для женщины рост и недостаточно маленькие руки. В нем все еще слишком живо отдавалось воспоминание о рыжеволосой девушке, молчаливой, не поднимающей глаз, которую отец вывел за руку и заставил опуститься перед Брайсом на колени на виду у сотен людей, которые были ее собственным народом. «Возьми эту женщи-

ну, она твоя», — сказал ярл Харальд, и это звучало чертовски странно, учитывая все обстоятельства. Брайс ответил, следуя ритуалу: «Я, Брайс Митрильский, беру эту женщину для своего брата, короля Яннема. Она моя, и я клянусь доставить ее к будущему мужу в целости и сохранности. Да помогут мне в этом Светлые боги». Потом он протянул руку, и жрец островитян разрезал его ладонь, Брайс сжал кулак и окропил своей свежей кровью низко склоненную голову Ингёр. Кровь была почти не видна на отливающих медью волосах. «Она моя», — повторил он, и это было так странно.

Снова им с Яннемом приходится делить одну женщину на двоих.

Причина, впрочем, на этот раз была весьма прозаична — обычаи островитян Даргора запрещали незамужней женщине путешествовать морем, если ее не сопровождал отец, брат, муж или брат мужа. Последний, чтобы получить такое право, должен был пройти соответствующий ритуал и принести клятву. Брайса позабавила формулировка этой клятвы — он принимал женщину и просто обещал, что затем передаст ее своему брату. Но, насколько Брайс знал полудикие обычаи даргорян, эта клятва его, в сущности, ни к чему не обязывала. Он мог оставить женщину себе, правда, для этого ему пришлось бы вступить с братом в смертную схватку и убить его. Так что ярл отдавал Брайсу свою дочь со спокойным сердцем — все знали, что принц Брайс когда-то уже вел кровавую вражду со своим

братом Яннемом и они могли десять раз убить друг друга из-за трона, власти, магии, но так и не сделали этого. Что уж тогда говорить об угрозе раздора из-за какой-то женщины. Тем более если она такая худая и слишком высокого роста.

— Знаете, мой лорд, я ведь совсем одна, — сказала Ингёр. — Меня продали, как кобылу, за двадцать пять сундуков золота. Продали вам и вашему брату. Возможно, так принято у вас в горах, но на Даргоре браки обычно заключаются иначе. Мы вступаем в союз, чтобы объединить сильные семейства и кланы, чтобы получить воинов и корабли, чтобы заручиться поддержкой на тингах. Но наши мужчины не покупают женщин за золото.

— Однако покупают за него воинов и корабли, — возразил Брайс. — В чем разница?

— Если вы действительно не понимаете, мне вам не объяснить, — с презрением сказала Ингёр и отвернулась от него.

Брайс смотрел какое-то время на ее острый надменный профиль. И впрямь, та еще норовистая кобылка. А может, Яннему даже и понравится. Он что-то совсем в последнее время зачах. Все его фаворитки перед ним лебезили, ничем не отличаясь от куртизанок и шлюх, с которыми он развлекался, когда был еще только принцем, всего лишь третьим в очереди на трон и самым нелюбимым сыном их властного отца. Потом была Серена. А после... Впрочем, не важно. Ингёр права: когда пришло время выбирать для Митрила королеву, Яннем не думал об

объединении семейств, престиже или укреплении королевской династии. Он думал только о золоте. И Брайс совершенно не мог его в этом винить. Они оба — единственные оставшиеся в Митриле особы королевской крови, а учитывая то, чем они занимались все пять лет, прошедших после восшествия Яннема на престол, кому-то из них определенно пришлось бы жениться на деньгах. Хотя Ингёр Тьёмурд изначально была более чем сомнительным выбором — невеста не из Митрила, вообще не с материка, с какого-то никому не известного острова в Долгом Море, из племени грабителей и пиратов, мнящих себя хозяевами вод. Еще несколько лет назад, пожалуй, ее причислили бы к «нечистой крови». Выбор Яннема многих потряс, многие были возмущены, а кое-кто даже и оскорблен. И Брайс знал, что последствия этого решения им придется расхлебывать еще долго. Но в то же время в глубине души он был рад, что подобный жребий выпал не ему.

— Леди Ингёр, что вы вообще знаете о Яннеме?

Она пожала плечами, старательно пытаясь выглядеть равнодушной.

— То, что рассказывал мне отец. И то, что говорили в народе. Он король страны, пять лет назад осмелившейся бросить вызов Империи людей. Между Митрилом и Империей произошла короткая кровавая война, в которой Митрил победил. Это случилось незадолго до гибели императора Карлита, а с императором Эонтеем, который сменил его на пре-

столе Империи, Митрил заключил мирный договор. Отец говорит, что все это свидетельствует о большой военной силе Митрила, а также об искусности ваших дипломатов.

— Не знал, что даргоряне считают дипломатичность положительным качеством.

— Мы не считаем. У нас в чести лишь закон силы. Уловки, хитрость, ложь, компромиссы — это то, что унижает мужчин.

— А женщин?

— Женщину — тоже, если она даргорянка.

Брайс вздохнул.

— Вам придется трудно при митрильском дворе, моя леди.

— Я знаю, — холодно сказала она. — Потому и задаю вам вопросы, чтобы знать, к чему мне следует быть готовой.

— Вы не проживете долго, если будете продолжать в том же духе. Это вы понимаете?

Ингёр взглянула на Брайса искоса, но без страха.

— Значит, он все же скорее плохой человек, чем хороший.

— Этого я не говорил. Но он король. И больше всего на свете он ненавидит, когда ему перечат.

— Вы ему перечите постоянно.

— Да, и именно поэтому он меня арестовал, пытал и собирался казнить. И не скажу, что я этого не заслуживал.

— Эти шрамы, — Ингёр повернулась, встав спиной к борту, и посмотрела Брайсу прямо в лицо —

так прямо, как на него давно никто не смотрел. — И ваши седые волосы. Сколько вам лет, около тридцати? И столько седины. Это он с вами сделал?

— Нет, — сказал Брайс. — Я сделал это сам.

Ингёр прищурилась, словно пытаясь поймать его на лжи, понять, что именно он скрывает от нее. Но Брайс не скрывал ничего. Вернее, ничего из того, что она все равно узнает рано или поздно, как королева Митрила и жена Яннема. Но в область знаний, доступных женщине столь высокого статуса, не входили знания о Тьме, темной магии и источнике, который когда-то поселила под Эрдамаром мать Брайса и который они уничтожили вместе с братом пять лет назад.

Шрамы, седина, искалеченная правая рука, десятилетие снизившиеся магические способности — все это было частью расплаты Брайса только за собственные ошибки. Яннем за свои расплатился сам.

— Леди Ингёр, вы владеете магией?

Этот вопрос следовало задать раньше; по сути, нужно было это выяснить до того, как заключать с Даргором брачный договор. Яннем, разумеется, подсылал к Тьёмурду шпионов, но те толком так ничего выяснить и не смогли. Даргоряне почти не пользовались магией, разве что в море, но поскольку никто из шпионов не сумел проникнуть на их корабли, это оставалось не более чем догадками. В быту же магию они не использовали совсем. Отчасти магические элементы включались в ритуалы, проводимые даргорянскими жрецами, но по силе

это была простая деревенская магия, на уровне заговоров и амулетов. Ингёр была дочерью ярла, но ярл — не король, он не проходит священный обряд коронации, Светлые боги не возлагают на него свои длани и не наделяют его и его потомство исключительной магической силой. Во всяком случае, Брайсу хотелось на это надеяться. Потому что Яннем — первый и единственный из человеческих королей, не владеющий магией совсем, ни на грош. И если окажется, что его норовистая жена более одарена в этом отношении... что ж, тогда Брайс и впрямь не мог поручиться, что она переживет первую годовщину супружества.

— Нет, не владею, — ответила Ингёр на его вопрос после долгого молчания. И, поколебавшись, добавила: — Почти не владею.

— Это хорошо. Дам вам совет: если все же владеете, никогда не показывайте этого при короле. После коронации ваши силы могут возрасти, но вы все равно должны сдерживаться и не использовать магию без самой крайней необходимости.

— Почему он не владеет магией? Что с ним произошло? Это проклятие или болезнь?

Умная женщина. И глупая девчонка. Проклятье, это опасно, когда и та, и другая уживаются в одном существе.

— Никогда не задавайте ему этот вопрос, — сухо сказал Брайс. — И помните: вы в относительной безопасности лишь до тех пор, пока не родите ему первенца. До этого он будет многое вам прощать,

но если вы зайдете слишком далеко или не оправдаете его ожиданий, он без колебаний заменит вас на другую.

— Но все же его нельзя назвать плохим человеком, — ядовито бросила Ингёр, и Брайс спокойно кивнул:

— Как и хорошим. Но я могу заверить вас, моя леди, что он хороший король. Вы не могли не слышать от вашего отца, чем был Митрил пять лет назад. Мы жили еще более закрыто, чем вы, презирали всех, кто родился не на одной с нами земле — других людей, эльфов, гномов, идшей. Называли их «нечистой кровью» и заставляли платить специальную подать, если они ступали на нашу землю. Яннем все это изменил. За пять лет он сделал больше, чем наши деды и прадеды посмели бы сделать и за пятьсот. Он отменил все пошлины на «нечистую кровь» и запретил само это понятие, а тех, кто нападает на чужеземцев или оскорбляет их публично, теперь наказывают плетьюми. Яннем ввел свободный въезд в Митрил для всех рас и открыл торговлю, снял запрет на моления других народов и позволил идшам построить собственную молельню прямо в центре Эрдамара.

— Но ее сожгли, — тихо сказала Ингёр.

Брайс удивленно взглянул на нее — а девчонка осведомлена лучше, чем он полагал.

— Да, сожгли в первый же месяц. Расизм в нашем народе все еще силен. Но было бы странно, если бы многовековые предрассудки просто взя-